

Магнолия альба за окном завяла, и от одного дуновения ветра ее цветки опали на землю, устилая ее белым покрывалом.

Даосский мастер расположился у маленькой оконной рамы, через полуоткрытое окно он наблюдал за происходящим снаружи. В центре двора установлена огромная астролябия, занимающая почти половину пространства. На дворе ранний рассвет, солнечные лучи освещают астролябию, отчего крошечные огоньки на ней тускнеют. Лишь сосредоточив взгляд, можно увидеть замысловатые линии, переплетающиеся друг с другом. Изредка падает цветок и быстро вянет, словно его высушили на столе.

Его маленький единственный ученик Ши Удуань сидит у астролябии, подол его штанов задрался немного выше, обнажая лодыжку - в этом году Ши Удуаню исполняется десять лет, он, кажется, начал расти, все, что он ест, кажется, лишь способствует бесконечному удлинению его костей, в его теле начинает проявляться подростковая худоба. На его верхней одежде лежит несколько птичьих перьев, одна золотая нить намотана на его руку, два пальца двигаются, словно летят, он ловко плетет «девичью ленту».

Девичья лента - это украшение девочек из богатых семей, которые еще не повзрослели, большинство из них сделаны из шелковых нитей, между ними могут быть вплетены несколько предметов, таких как жемчуг и драгоценные камни. В годы Цянь большинство маленьких девочек заплетают волосы в косы, а не собирают их в пучок, как взрослые. Девичья лента, шириной около двух-трех сантиметров, может быть продета вдоль косы маленькой девочки, встречаются и такие, у которых прикреплен золотой колокольчик, который звенит при ходьбе.

Ши Удуань еще молод, его никто не учил, в лучшем случае он видел, что среди учеников мастера Куруо несколько младших шимэй завязывают их, но он уже смог сообразить, как это сделать без всякого руководства, и этого достаточно, чтобы понять, что парень талантлив в подобных извращенных вещах.

И все было хорошо до тех пор пока даосский мастер не присмотрелся повнимательнее. Он настолько разозлился, что у него поднялась борода - и золотую нить, и птичьи перья, с которыми забавлялся этот драгоценный ученик, он все узнал.

Золотая нить - это нить Дусин*, которой выкладывают астролябию, когда на горе Цзюлу проходит ежегодный праздник. Она выглядит как золотая нить, но когда держишь ее в руке, она кажется очень мягкой, прохладной, словно вода, очень податливой, и даже священным оружием ее не проткнуть. Её получают от золотого шелкопряда, обитающего на снежной вершине горы Цзюлу, каждый год удаётся собрать всего несколько сотен граммов. Впрочем, ничего страшного, поскольку эта вещь не испортится, у секты Сюань все еще есть немного в запасе.

(*) означает вести за собой звезды.

Но эти птичьи перья невероятно блестящие, под солнечным светом они выглядят так, будто покрыты блеском лазурита, преломленный свет действительно похож на радугу. Если обычный человек, не обладающий культивацией, будет долго смотреть на них, у него закружится голова, и даже его душевное состояние может быть затянато этими красками.

Чем больше даосский мастер вглядывался в них, тем более знакомыми они становились. Он бодро направился в дальний угол, отодвинул занавеску и почувствовал, как его кровь закипает волнами - он увидел зеленого нефритового «божественного воробья», птицу Куйбин, которую держал в качестве домашнего питомца неизвестно с каких времен, побритую наголо. Птица,

которая считалась самой прекрасной в мире, увидев вошедшего, кажется, испугалась, подняла голый зад, на котором не осталось ни единого волоска, дважды чирикнула, а затем отвернулась, как будто у нее не осталось лица, чтобы взглянуть на своего хозяина.

Птица Куйбин, зеленый нефритовый «божественный воробей», согласно легенде, выращена богами на озере Цзютянь, в этом мире почти не встречается. Их можно увидеть только в самых северных районах, они используют в пищу травы снежного лотоса, а в качестве питья - снежную воду, никогда не пробуя земных фруктов и насекомых. Эта птица уже давно стала самой дорогой для даосского мастера.

Даосский мастер некоторое время молча разглядывал лысую птицу Куйбин, настолько разгневанный, что его конечности начали трястись. Он схватил свою линейку и хлопнул дверью:

«Ши Удуань!»

Этот проблемный ученик испуганно попятился, инстинктивно спрятал золотую нить и птичьи перья в рукава и виновато сказал:

«Хе-хе, шифу».

Когда прибыл мастер Битан, он увидел, что шисюн, глава его секты исполняет традиционное представление секты Сюань - использует свою линейку в преследовании Ши Удуаня, который прыгает и скользит по всему двору.

Рукава Ши Удуаня задраны, скрывая что-то, за что крепко держатся обе его руки, одновременно он сжимает шею, чтобы убежать с прикрытой головой, и кричит:

«Шифу, шифу, позволь мне объяснить, второй шисюн сказал, что я должен подготовить свадебные подарки, чтобы жениться на моей жене, и подарки должны быть качественными, ой, больно больно больно больно.... Без свадебного подарка этот ученик навсегда останется холостяком, ой! Не бей меня по голове, а то я стану тупым! В моей заднице много плоти, если хочешь ударить, ударь меня по заднице...»

Битан прокашлялся, стоя у ступенек:

«Глава секты, шисюн».

Только тогда даосский мастер обнаружил его присутствие, он тут же отпустил свою линейку, нехотя подавил гнев на лице, разгладил складки на одежде, прочистил горло и погладил бороду. Лишь после этого он с видом неторопливым, словно никогда и никуда не спешил, спросил:

«Битан шиди, ты для чего-то пришел сюда?».

Битан - шиди даосского мастера, он подчиняется главе секты, отвечает за повседневные дела секты Сюань, и с ним легче всего разговаривать. У Ши Удуаня острый взгляд, он бросается за Битаном, смахивает с себя несуществующую пыль, широко улыбается, чтобы попасть в милость к Битану, этому виду не хватает лишь мотания головой и виляния хвостом:

«Битан шифу, ты пришел».

Битан заметил улику, лежащую в груди Ши Удуаня, затем костяшками пальцев постучал его по

лбу:

«Зачем снова создавать проблемы?»

Ши Удуань, найдя своего защитника, почесал свою голову и беззаботно захихикал. На это даос бросил на него агрессивный взгляд:

«Маленький монстр, я разберусь с тобой ночью - Битан, пойдем в дом, поговорим».

«Похоже, меня помиловали», - Ши Удуань облегченно вздохнул, потер те места на голове и бедре, до которых добралась линейка, и почувствовал, что Битан шишу действительно живой Будда, избавивший его от боли.

Он быстро запрыгнул на близлежащее гигантское дерево, напевая, закончил плести девичью ленту, затем гордо поднес ее к свету, чтобы посмотреть на свое готовое изделие, чувствуя, что оно настолько богоподобно, что лучше и быть не может - маленькие дети все любят блестящие вещи, Ши Удуань пока еще не обладает хорошим вкусом, совершенно не замечая, что эта драгоценная вещь достаточно блестит, чтобы ослепить глаза собаки.

Затем он спрыгнул с гигантского дерева, воспользовавшись тем, что Битан отвлекает даосского мастера, спустился по знакомым тропинкам мимо сторожевого поста, побежал прямо в долину Кангюнь и помчался прямо к пещере Огненного Лотоса, принадлежащей святому духу-монарху лисицы, прижался к своему ядру и громко крикнул:

«Бай Ли! Сяо Ли-цзи*! Скорее выходи! Скорее выходи!»

(*) ласкательное имя Бай Ли.

Ее веки дернулись один раз, Бай Цзыи про себя подумала: почему опять этот невезучий ребенок.

Но стоило ей опустить голову, как она обнаружила, что на лице ее ребенка, который редко говорит и не улыбается, появилась тень улыбки, и он уже собирается встать, услышав зов. Бай Цзыи была не в силах удержаться от того, чтобы не нахмуриться окликнула его:

«Подожди сначала, я должна тебе кое-что сказать».

«Я совсем не разбираюсь в астрологии и математике, но одного взгляда на лицо этого мальчика достаточно, чтобы понять, что он не из тех, у кого гладкий и благополучный жизненный путь, боюсь, его будущее сопряжено с неприятностями. Я лишь приблизительно рассчитала, но не могу сказать о его предыдущей жизни и карме, возможно, он вообще умрет молодым...»

Бай Ли приподнял голову и посмотрел на нее. В данный момент его черты лица - черты молодого человека, но холод в его глазах может заставить задуматься тысячелетнего духа-монарха. Только спустя несколько секунд после этого она услышала, как Бай Ли тихо произнес:

«Мама, что ты хочешь сказать?».

В его голосе все еще звучала мягкость мальчика, у которого не изменился голос, его речь медленна, словно он просит о ласке, но его выражение лица ничего подобного не показывает. Бай Цзыи вздохнула:

«Карма, которую ты должен ему, если будет возможность, просто верни ему долг, не связывайся с ним слишком сильно, человек и дух, в конце концов, являются ...».

Бай Ли издал короткий смешок и сказал, его голос был по-прежнему мягким:

«Этот сын может избежать»

Затем стоящий перед ней Бай Ли развернулся и принял вид молодой девушки, все еще с теми же чертами лица, но одной лишь смены одежды хватило, чтобы смягчить их, из-за чего другим трудно было обнаружить какую-либо особенность, а затем вышел.

Оставшиеся слова так и застряли в горле, Бай Цзыи вздохнула через некоторое время, действительно, нет шансов.

Бай Ли сразу же увидел, как Ши Удуань прыгает взад-вперед, как будто у него под ногами гвозди и он не может успокоиться. Одна его рука спрятана за спину, улыбка яркая, как цветы, а другой рукой он машет:

«Сяо Ли-цзи иди сюда скорее, у меня есть кое-что для тебя».

Бай Ли позволил ему притянуть себя к себе и спросил:

«Что?»

Ши Удуань ответил:

«Закрой глаза».

Бай Ли взглянул на него, затем послушно закрыл глаза, как настоящая симпатичная девушка. Ши Удуань украдкой разглядывал его, видел длинные ресницы, которые слегка вибрировали, фарфоровые черты лица, еще не совсем зрелые, еще немного детские, действительно нет ни одного некрасивого места. Ши Удуань с гордостью подумал:

«Вот это да, я действительно женюсь на самой красивой жене в мире».

Он обошел вокруг Бай Ли, все еще с тревогой говоря ему:

«Ты не можешь открыть глаза и подглядывать».

Бай Ли издал утвердительный звук, уголки его рта приподнялись на два миллиметра.

Двумя руками Ши Удуань ловко управлялся с астролябией, поэтому, во время разговора ему не составило труда распустить длинные волосы Бай Ли по плечам. Он повязал эту украшенную драгоценностями ленту, затем сделал шаг назад и сказал:

«Теперь хорошо».

Бай Ли на мгновение успел открыть глаза, прежде чем ему пришлось их закрыть из-за блеска зеленого нефритового воробьиного пера. Он подергал себя за волосы, чтобы проверить их, а потом не знал, смеяться ему или плакать, ведь из обычной «молодой девушки» он превратился в «девушку с ярким сиянием». Но Ши Удуань рядом все так же, не разжимая рук, заискивающе спрашивал:

«Хи-хи, я сам ее сделал, красиво?».

Бай Ли почувствовал, что его сердце дрогнуло, и кивнул:

«Красиво».

После этого Ши Удуань стал еще более маниакальным, начал бегать вокруг него кругами, бессвязно бормоча:

«Точно, точно, это я ее сделал, эту глупую птицу, принадлежащую шифу, я обрил наголо, он даже побил меня за это линейкой - у этой простой птицы, по сути, нет ничего хорошего, кроме красивых перьев, она только и умеет, что громко щебетать весь день, а ее все равно обхаживают, как ни в чем не бывало, фу!»

Бай Ли тут же спросил:

«Тебя опять побили?»

Ши Удуань дьявольски поднял мизинец и гордо кивнул:

«Неважно, я не боюсь. Этот маленький мастер знает Цзиньчжунчжао тибушань*, линейка шифу на моем теле как... как дуновение ветра, совсем не больно, совсем не больно...»

(*) вид кунгфу, который закаляет кожу.

Он не успел закончить, как Бай Ли потянулся, чтобы взять его за палец, поэтому остальные слова Ши Удуаня упали прямо ему в живот. Он ощутил, что рука Бай Ли такая мягкая, его счастье сразу взорвалось, как будто ничего не может быть прекраснее, и глупо улыбнулся ему:

«Иди, пойдем вон туда, на склон Дуайюэ, я буду лазить по деревьям и собирать фрукты, чтобы ты мог поесть».

В долине Кангюнь была гора, была вода, была красота, Ши Удуань действительно чувствовал, что это благословенные земли, чувствовал такое головокружение, что забыл обо всем. Пока солнце не опустилось на запад, он вспомнил, что когда вернется, побои неизбежны, поэтому он неохотно попрощался с Бай Ли.

Как раз в этот момент с неба донесся странный птичий крик. Подняв глаза, они заметили, как огромная лысая птица спускается с высоты и садится прямо на плечо Ши Удуаня, а ее глаза, похожие на черные бобы, замечают блестящую девичью ленту на волосах Бай Ли. Затем он дважды агрессивно клюнул Ши Удуаня в голову, словно желая выпустить свой гнев - это была птица Куйбин, принадлежащая даосскому мастеру.

Ши Удуань прикрыл голову одной рукой, а другой пытался схватить птицу. Птице Куйбин удалось избежать этого, она высокомерно вытянула одну из своих лапок, затем отвернула голову и не стала больше на него смотреть, словно все еще сердилась.

К ее лапке были привязаны письмо и небольшая сумка с вещами. Ши Удуань на мгновение замешкался и нагнулся, чтобы открыть письмо. Пробежав глазами письмо, на его лице появилось удивление.

Бай Ли не смог удержаться и спросил:

«Что это?»

Ши Удуань потер голову:

«Шифу приказывает мне отправиться в Восточные моря, чтобы найти Цзян Хуа, он говорит, что мне нужно кое-что забрать, а также сообщает, что нельзя медлить, сегодня мне не нужно будет возвращаться, а немедленно отправляться в путь, все необходимые вещи упакованы в сумку... А? Как странно, почему он ничего не сказал утром?».

<http://bllate.org/book/14187/1250162>